

ОТ РЕДАКЦИИ¹

Перед читателем – второй номер «Фонаря Диогена». Как давно замечено, второе появление на публике трудней и проблематичней первого: надо оправдывать сделанную заявку, подтверждать вызванные ожидания и демонстрировать не эфемерный, а долгосрочный характер начатого предприятия. Фонарь, словом, должен светить не хуже. В первую очередь, было необходимо найти для нового выпуска смысловую стержень, центральную тему; и здесь за нас многое решило печальное событие. Когда мы начинали продумывать этот выпуск, скончался Рене Жирар, в течение многих лет являвший собою заметнейшую и яркую фигуру современной антропологии, с необычными и размахистыми идеями, вызывающим стилем, стремлением к ниспровержению едва ли не всех принятых принципов и установок мысли о человеке. Творчество Жирара весьма близко к проблематике синергийной антропологии, и решение отдать долг памяти ученого, посвятив ему этот журнальный выпуск, пришло совершенно естественно.

Плод этого решения – раздел «Додумать Жирара». В том, каким вышел этот раздел, отразился немалый дисбаланс в состоянии жираровских штудий на Западе и в России. Рецепция Жирара на Западе давно сложилась, и относительно новой темой для западной науки остается лишь последний его важный труд, «Додумать Клаузевица» (2007). Напротив, у нас в отечестве нет пока ничего хоть отдаленно напоминающего цельную рецепцию творчества Жирара; неоперившееся российское жирароведение имеет в активе лишь небольшое число статей на частные темы. Наш раздел – первая попытка представить русскому читателю основательный комплекс текстов, посвященных Жирару. Поэтому его задачей было дать объемное освещение творчества ученого, затронув, по возможности, все его важные темы, мотивы, стороны. Эта задача вызывала некую трудность: западные работы сегодня уже не дают систематической экспозиции тем и идей Жирара, перейдя, в основном, к узким и/или компаративным штудиям; российские же работы такой экспозиции *еще* не дают, осваивая пока лишь частные грани. Однако какой-либо систематический текст с освещением главных жираровских идей был явно необходим в составе нашего цикла, и мне пришлось заполнить эту лакуну в большой статье, помещаемой в начале раздела. Имея в виду русского читателя, я начинаю с краткого обозрения оснований жираровской теории, чтобы далее развернуть их критический анализ. Конечно, я привлекаю здесь и концепции синергийной антропологии, и в их согласиях и разногласиях с Жираром возникает содержательный диалог двух современных антропологических теорий. Вместе с тем, во избежание повторений, я не обсуждаю тех жираровских тем, что рассматриваются в других статьях цикла –

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта «Антроподиагностика современной социальной реальности на базе синергийной антропологии», поддержанного грантом Российского гуманитарного научного фонда (грант № 14-03-00109). The article was prepared by a grant from the Russian Foundation for Humanities (grant № 14-03-00109 «Anthropological Diagnostics of Modern Social Reality on the Bases of Synergic Anthropology») at the Autonomous Nonprofit Organization «Institute of Synergic Anthropology».

скажем, Жиран и Хайдеггер, Жиран и Гёльдерлин, трактовка апокалиптики и дионисийства у Жирара.

Далее следует ядро цикла – три основательные статьи из нового сборника, подготовленного в университете Инсбрука (это давний центр изучения творчества Жирара) и посвященной книге «Додумать Клаузевица». Хотя автор первой статьи – сам организатор сборника и один из лидеров сообщества исследователей Жирара, но о Жираре статья говорит не так много, главный герой ее – Карл Шмитт, в его освещении проблем войны и политики. Здесь раскрываются глубокие переключки Жирара со Шмиттом, которые сам Жиран оставлял в тени; но, думается, для русского читателя главный интерес работы даже не в этом. Тема войны у нас крайне актуальна, по меньшей мере, по двум причинам: во-первых, в мире кардинально меняется облик войны и сам характер феномена войны, во-вторых, российское сознание ныне проявляет к войне повышенный интерес, оно активно милитаризуется или его милитаризуют. Есть, пожалуй, и третья, историко-философская причина: в русской мысли тема войны никогда не была освоена. Краткий всплеск внимания к этой теме в начале Первой мировой войны принес набор текстов крупных философов (С. Булгакова, Е. Трубецкого, В. Эрна и др.), которые явно не добавили им славы: так, в серии брошюр «Война и культура» царил мажорный победительный лейтмотив «Константинополь должен быть наш!» – а между тем до большевистского переворота и крушения страны оставалось два года...

Помещаемые статьи из сборника не концентрируются лишь на одной книге, но раскрывают ведущие темы теории Жирара. Апокалиптическая тема глубоко характерна для него, хотя главной она служит только в «Додумать Клаузевица», «апокалиптической книге», по словам самого автора. У Жирара, а следом и в статье О’Регана, апокалиптика понимается очень широко, скорее в философском дискурсе, как проблематика цели и финала глобальной истории. В такой трактовке, ведущими авторами апокалиптических концепций оказываются, наряду с богословами, также Гоббс, Гегель, Маркс, Ницше, Хайдеггер, Беньямин и Левинас, и даже Бланшо и Деррида, мысль которых, по О’Регану, имплицитно апокалиптика, это – «апокалиптика без апокалипсиса». Почти все эти авторы обсуждаются у Жирара. Разбирая его отношение к ним, О’Реган находит, что, по Жирару, существуют три основные линии апокалиптического дискурса: каноническая библейская апокалиптика, говорящая о конце всех вещей в ключе божественного насилия и возмездия (с нею он решительно не согласен), линия Гегеля и левого гегельянства, с продолжением у Беньямина, и наконец, «дионисийская» линия Ницше и Хайдеггера, с опорой на Гельдерлина. Стоит отметить, что, хотя Хайдеггер проводит усиленное размежевание с Ницше в проблеме преодоления метафизики, однако О’Реган, равно как и сам Жиран, относят их к одной линии, считая, что мысль Хайдеггера все же полностью не преодолевает нигилизма и метафизики воли к власти. Анализируется жираровская рецепция двух версий католической апокалиптики, в августинианском русле у Бенедикта XVI и в антиавгустинианском – у И.Б. Метца. В итоге, собственная апокалиптика Жирара реконструируется из серии его рецепций опытов

апокалиптики других авторов, откуда делается вывод, что «Жи́рар – всецело герменевтический мыслитель» – такой, мысль которого строится в процессе толкования мысли других.

Любопытно, что этот вывод диаметрально противоположен оценкам мысли Жирара в статье Байнштайнера и Крепальди, разбирающей жираровскую рецепцию Хайдеггера. Как ясно сразу, оба мыслителя во многом антиподы – в противоположность радикальному онтологизму Хайдеггера, Жи́рар полностью избегает речи о бытии, находя ее лишь отвлеченной и малополезной абстракцией. Разумеется, это – сугубо внешнее и поверхностное суждение о дискурсе бытия у Хайдеггера. Жи́рар отказывается развивать понимание, герменевтику этого дискурса; и не без основания авторы находят у него «отсутствие интереса к герменевтике», видя в нем главную причину коренного непонимания Хайдеггера у Жирара. В сочетании с густой герменевтической насыщенностью его мысли, которую справедливо отмечает О’Реган, тут возникает парадокс; и разрешается он просто, но поучительно. Как я подчеркиваю в своей статье, Жи́рару присуще литературное мышление, и его рабочий метод – это литературная, но не философская герменевтика. Свои источники он читает как литературные тексты, и в случае Хайдеггера это оказывается совершенно неадекватным.

Как раскрывают авторы, расхождение в онтологии и герменевтике влечет за собой расхождения в трактовке большинства основных понятий и тем. В историко-религиозном плане, в корне различно трактуются базовые оппозиции Жирара: античность – христианство, Дионис – Христос, Логос Гераклита – Логос Иоанна. Глубоко различны концепции истины, истории, техники. И особое значение имеет трактовка ключевой для Жирара категории насилия. Здесь сопоставление не столь просто, поскольку у Хайдеггера нет эксплицитной концепции насилия. Согласно Жи́рару, тяготение Хайдеггера к руслу античной мысли скрывает в себе «тайную любовь к насилию», ибо античный логос – это «логос насилия»; но эта любовь не получает крупного развития, ибо ее сдерживает «скрытый католицизм», который Жи́рар приписывает Хайдеггеру. Авторы критикуют эти оценки Жирара, прежде всего, в двух пунктах: 1) они замечают, что у Жирара представлена «антропоцентрическая концепция насилия», он рассматривает лишь насилие людей над людьми, меж тем как Хайдеггер, напротив, рассматривает лишь «насилие по отношению к нечеловеческому существу» (природной среде) и со стороны нечеловеческого же сущего (техники); 2) они утверждают, что существует некий «антинасильственный импульс хайдеггеровского постметафизического мышления». Последнее утверждение, безусловно, интересно, однако оставлено голословным; и вдобавок, нельзя просто снять вопрос о том, каковы же позиции Хайдеггера в проблеме насилия над человеком. В итоге, важный вопрос «Хайдеггер и насилие» остается в большой мере открыт. Но есть и существенное сближение Жирара с Хайдеггером: внимание первого ко второму вызывается, прежде всего, тем, что их связует общая тревога, общая и острая озабоченность современностью. Оба видят в ходе истории апокалиптическую тенденцию,

эскалацию к концу (хотя для Жирана движитель эскалации – миметическое желание, тогда как для Хайдеггера – техника), говорят об опасности и спасении.

Далее следуют уже менее систематичные статьи русских авторов, обсуждающие отдельные темы теории Жирана. С.А. Азаренко полемизирует с базовой установкой Жирана, согласно которой насилие лежит в истоке религии и культуры. В его работе анализируется роль социальной коммуникации как культуростроительного начала и механизма созидания духовной традиции. Используя концепции Хабермаса, Бурдьё, Делёза, Флоренского, автор набрасывает альтернативное подходу Жирана описание генезиса древнегреческой культуры на базе механизмов социальной коммуникации. В следующей статье, принадлежащей философам-правоведам, концепции Жирана обсуждаются в их правовых аспектах. В любой теории насилия проблемы права не могут не играть важной роли. Хотя Жиран почти не обсуждает сферу суда, но суд, несомненно, служит существенным элементом в экономике миметической эскалации. Ю.Ю. Ветютнев и Д.Р. Яворский очень отчетливо раскрывают его социальную функцию: вся процедура суда рассчитана на то, чтобы замаскировать месть, скрывая «агрессивную природу правосудия за благим покровом «справедливости»». При этом, отстаиваемая Жираном целевая установка полного отказа от насилия расценивается как «радикальный утопизм». Наконец, завершением всего раздела служит рецензия М.А. Богатова на русский перевод книги Жирана «Я вижу Сатану, падающего как молния». — В целом, как мы надеемся, наш раздел, отдавая честь большому и оригинальному мыслителю, довольно основательно вводит его творчество в российский философский контекст.

Выпуск продолжают традиционные рубрики журнала. Рубрику социальных практик открывают две статьи, разрабатывающие темы и аппарат синергийной антропологии. Работа А.Е. Смирнова дает углубленный анализ концепта сингулярности, который, с одной стороны, интенсивно эксплуатируется в постструктуралистской философии Делеза, Нанси и др., а с другой – оказывается лежащим в основе конституции Онтического Человека, в несколько иной трактовке, развитой в недавних статьях С.С. Хоружего. Автор выявляет концептуальные корни и связи понятия сингулярности в поздней философии Хайдеггера (где въявь этого понятия не вводится), а также обсуждает особенности трактовки сингулярности у Делёза. Прделанный анализ концепта позволяет глубже увидеть его ключевую роль в механизме онтического размыкания, каким его описывает синергийная антропология; и отсюда, на взгляд автора, возникают возможности более тонкой и адекватной концептуализации данного механизма. Далее, в работе О.Д. Агапова анализируется феномен насильственной синергии, характеризующий антропопрактики тоталитаризма и ранее лишь бегло описанный С.С. Хоружим. На языке синергийной антропологии, это типичный «феномен интерфейса», принадлежащий как антропологической, так и социальной сфере. Автор обсуждает, главным образом, социополитические аспекты, связанные с его судьбой в постсоветской России. В центр ставится вопрос о возможностях и путях трансформации и преодоления структур сознания, созданных насильственной

синергией. Автор указывает определенный круг стратегий и установок, что могут содействовать изживанию этих структур. В число их входят: знание о феномене насильственной синергии, доверие к человеку и человечеству, развитие личностного сознания и личностных форм бытия. Опираясь на идеи Х. Арндт, автор также описывает функции власти и насилия в процессах внедрения и закрепления насильственной синергии. В заключение проводится структурное сопоставление синергии подлинной и насильственной, что позволяет увидеть, каким образом может осуществляться возврат от последней к первой.

Назначение нашего «Фонаря» – освещать все практики человека, какие есть; и следующие статьи демонстрируют широту и пестроту спектра сегодняшних антропопрактик. Статья И. Папаяннопулоса говорит о практиках, в которых современные греки осмысливают и выстраивают свою национальную идентичность. Мы поместили ее с понятным умыслом: параллели с проблемами постсоветской России здесь очевидны, и знание греческого опыта может быть небесполезно. Две православные нации, обе с великою и сложной историей, с обостренным и уязвимым чувством национальной гордости, с духовностью, отличной от Запада, но культурой, давно интегрированной в западную, – так что амбивалентное отношение к Западу, к западной культурно-цивилизационной парадигме является определяющим, конститутивным для национального сознания и национальной идентичности ... и обе – на перепутье, в затянувшемся периоде «разрывов и связей», кризиса национального сознания и поиска новой модели идентичности. Все это – очень внушительная общность! и она дополняется еще тем, что, как пишет автор, в современной Греции за всю историю ее новой государственности была создана единственная национальная идея – идея «эллиноцентризма», в которой нетрудно увидеть близость к идее «Русского мира». Но есть, разумеется, и различия, которые также поучительны. Греческая мысль уже прочно признала несостоятельность эллиноцентризма, его крах и в теории, и на практике, и в статье разбираются три концепции, которые все, отталкиваясь от него, продумывают дальнейшее движение. В России такая критическая рефлексия едва ли присутствует. К этому примыкает и кардинальная разница в тональности: если в греческих анализах ситуации страны и идейной ситуации превалирует скептицизм, склонность к негативным и критичным оценкам, то на отечественной сцене воцарилось оргиастическое (и анекдотическое) самовосхваление.

Завершают же рубрику две статьи с оригинальной тематикой, расширяющей философское пространство: здесь в качестве философского предмета тематизируется... атмосфера (в работе Т. Гриффиро) и растения (в работе М. Мардера). Не столь еще давно включение подобных предметов в философский дискурс могли бы принять как курьез, как номер для капустника на философском факультете. Но времена меняются! и мы с охотой помещаем эти тексты, находя, что они вполне соответствуют тренду *детерриториализации философии* – одному из ведущих трендов сегодняшней философской ситуации. Притом, философия атмосфер – сегодня уже немалое направление, активно развиваемое, в основном, в Германии и Италии. Хотя оно имеет уже и свой специфический дискурс, лежащий

на стыке философии, психологии, эстетики, и своих классиков, таких как Герман Шмитц, автор «новой феноменологии», но в России ему повезло еще менее, чем антропологии Жирара – мне пока не встречалось даже упоминаний о нем. Несомненно, русскому читателю пора ознакомиться с ним.

Рубрику культурных практик открывает большой текст А.В. Ахутина. Это – продолжение его масштабного проекта, вступлением к которому был его доклад в семинаре ИСА (см. первый номер нашего «Фонаря»). По теме, данный проект – новая концепция Европы как культурного феномена, по сути же – очередной современный синтез, культур-философский, антропологический, персонологический. Подобные ему можно найти, скажем, в трудах Ч. Тэйлора «Истоки Я. Создание современной идентичности» (1989) и С.С. Хоружего «Фонарь Диогена» (2010). Как представляется, такие синтезы возникают из глубоко личной потребности: восстановить свою собственную предысторию во всей полноте, во всем историческом и жизненном пространстве. Я хочу всмотреться в собственное самосознание в его предельном диапазоне и вширь и вглубь, и обнаруживаю, что это и есть – европейское сознание... В постановке автора, стоящая задача означает реконструкцию «особого способа человеческого бытия, культивируемого европейской культурой и творящего ее». Суть данного способа – вопрошание человека о человеке и его мире, и это фундаментальное вопрошание актуализуется в истории в серии обликов человека, из коих статья описывает два исходных: античный сократический человек и христианский «человек исповеди».

Далее следует работа В.М.Розина о «Логико-философском трактате» Витгенштейна. Анализ «Трактата» – чисто теоретическая тема, однако работу автора можно по праву рассматривать как своеобразную философско-герменевтическую практику. Задача работы – не столько анализ «Трактата», сколько выяснение отношений между различными способами его чтения. Не менее самого «Трактата», автора занимает, как читал «Трактат» В.В. Библихин в своей книге «Витгенштейн: смена аспекта», так что предмет его анализа – это конструкция из трех интерпретаций: 1) интерпретация Витгенштейна Библихиным, 2) интерпретация Витгенштейна автором, 3) интерпретация интерпретации Библихина автором (интерпретация второго порядка). В итоге, основные выводы автора носят герменевтический и методологический характер, уточняя условия и установки адекватной интерпретации философского текста.

Наконец, область художественных практик в номере представляют тексты М.А. Богатова о чтении – или скорее, о подступах к чтению – Жана Полана и А.Д. Охоцимского об образах-парадигмах в иеротопии. Первый текст – скорее эссе, вольное размышление об изящной словесности, ее законах и приемах, ее чтении и восприятии. Темой эссе как будто являются «Тарбские цветы» Жана Полана, но об этой книге мы на поверку почти ничего не узнаем, о «Федре» Платона тут говорится намного больше. Но нужды нет! Если и нет «Тарбских цветов», то есть цветы Нижнего Поволжья (автор наш – из Саратова). Эссе красиво, в нем есть гибкий стиль и гибкая мысль, которые друг с другом в ладу. Сегодня это все так редко... Что же до иеротопии, то эта наука, основанная

А.М. Лидовым, изучает практики создания сакральных пространств, которые при этом интерпретируются не в статике, а в динамике, купно с самим сакральным действием – как «мультимедийное перформативное целое». Это весьма синтетические практики, включающие в себя религиозные, художественные, проектные измерения. Для синергийной антропологии они представляют интерес, поскольку во всем многообразии религиозных практик, иеротопические и духовные практики находятся, в известном смысле, на противоположных полюсах, представляя собою, соответственно, наиболее экстериоризованные и наиболее интериоризованные практики. Статья А.Д. Охоцимского дает отчетливое обозрение идейных основ и функциональной структуры иеротопических практик.

Непременная часть нашего журнала – материалы семинара ИСА. Публикуемый доклад А.И. Олексенко поднимает глубокий и большой пласт проблематики, касающийся отношений человека с миром животных. В аспекте антропопрактик, здесь можно видеть нечто общее с иеротопическими практиками: эти отношения многогранны, и в них развиваются синтетические практики, осуществляющие наблюдения животных, жизнь вблизи них, разнообразные контакты с ними; причем, важную роль играют практики художественные – автор подробно обсуждает творчество художников-анималистов В.В. Ватагина и В.М. Смирин. С другой стороны, здесь есть переключки и с публикуемыми работами, привлекающими в орбиту философии растения и атмосферу. Отношения с животными обсуждаются *в их антропологической значимости* и т.о., здесь проводится стратегия расширения проблемного поля мысли о человеке в новом и необычном направлении: своего рода детерриториализация антропологии, коррелятивная детерриториализации философии.

Во всех подобных темах и текстах наш «Фонарь» высвечивает происходящий крупный процесс: рождение нового самоопределения человека в реальности и новой конфигурации его отношений с реальностью – новой *Stellung des Menschen im Kosmos*.